

Штрихи к портрету

И. А. Блюмкина

кандидат физико-математических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: inessa.blyumkina@gmail.com

Аннотация. Продолжение учителя в его учениках. Нам, ученикам Рэма Георгиевича Баранцева, судьба предоставила возможность учиться, жить и работать вместе с этим замечательным человеком. Без всякого сомнения, именно он определил направление моего развития в науке. Рэм Георгиевич Баранцев был настолько неординарной и многогранной личностью, что мне кажется – ни один из людей, знавших его, не смог бы описать этого человека во всех его ипостасях. Может быть, только совместными усилиями многих людей, жизнь которых пересеклась с жизнью и деятельностью Р. Г. Баранцева, удастся создать более или менее полный его портрет. Вот и мои штрихи к этому портрету. В данной заметке Рэм Георгиевич представлен в одной из своих главных ипостасей – как научный наставник.

Ключевые слова: воспоминания, профессор Баранцев, научный наставник.

Я поступила на матмех ЛГУ в 1953 году, так что, когда я была на первом курсе, Рэм (тогда еще без отчества) был на пятом курсе. Разумеется, мы еще не были знакомы, но это необычное имя запомнилось наряду с именами других известных старшекурсников. Если я не ошибаюсь, он был главным образом тогда известен своими спортивными достижениями – по-моему, он был чемпионом университета по бегу на длинные дистанции. Уверена, что мой будущий муж Володя Фомин (на два курса старше), тоже увлекавшийся легкой атлетикой и хорошо знавший Рэма, рассказывал мне о нем в этом ключе. Познакомились мы гораздо позже, когда в 1956 году аспирант Р. Г. Баранцев стал читать студентам четвертого курса кафедры гидроаэромеханики спецкурс по трансзвуковой газодинамике. Мы с подругой Тоней Кучеровской записались и стали слушать эти лекции. Сейчас я понимаю, что нас привлекли две вещи: во-первых, обилие математических проблем, к которым сводилось изучение трансзвуковых потоков, а во-вторых, личность самого лектора, его увлеченность предметом и умение увлечь нас, слушателей. В результате мы обе взяли у него темы курсовых работ, которые благополучно написали, а на следующий год – темы дипломных работ.

Что касается Тони, то она весьма успешно справилась со своей задачей, а ее результат Рэм Георгиевич даже упомянул в своей книге по трансзвуковой газодинамике [1]. Я же в это время никак не могла заставить себя взяться за диплом, так как ждала ребенка и была в соответствующем нерабочем состоянии. Здесь я хочу отметить то сочувствие и понимание, которое проявил ко мне мой научный руководитель. Ни разу он не упрекнул меня, не подталкивал, даже не спрашивал о сроках и результатах. Такое впечатление, что он был уверен во мне и не сомневался, что всё будет хорошо. Действительно, в феврале родился мой первенец, а к маю дипломная работа была готова. Замечу кстати, что, поздравляя меня с рождением сына, Рэм Георгиевич сказал (дословно не помню): мы, мол, будем праздновать дни рождения наших детей почти одновременно (его Аня родилась 15 февраля 1957 года, а мой Серёжа – 16 февраля 1958 года).

На пятом курсе мы посещали также семинар по трансзвуковым задачам, который вел Рэм Георгиевич, делали там доклады, обсуждали результаты, обменивались мнениями не только по теме доклада. После одного такого семинара, незадолго до конца учебного года, Рэм Георгиевич спросил нас, как мы относимся к идее поступить в аспирантуру. Разумеется, наш ответ он знал заранее, но счел нужным узнать наше мнение, а в нашей большой группе гидромехаников было много достойных претендентов, так что место ему было выделено только для меня. К сожалению, число мест в аспирантуре было ограничено. Не знаю, как он объяснял это Тоне, но знаю, что она не была на него обижена. Кстати, в дальнейшем А. И. Кучеровская (Державина) успешно защитила кандидатскую диссертацию, много лет работала в Москве у академика Л. И. Седова, да и сейчас еще продолжает работать.

Примерно за год до описываемых событий Рэм Георгиевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию, и мы не могли пропустить его защиту. Кто-то из выступавших высказал мысль, что уровень работы соответствует требованиям, предъявляемым к докторской диссертации. Но больше всего мне запомнилось выступление его научного руководителя, заведующего нашей кафедрой, Сергея Васильевича Валландера. На факультете все высоко ценили С. В. Валландера и как ученого, и

как человека, а уж руководителем он был, что называется, от Бога. Смысл его выступления был таков. Все диссертации своих учеников он бы мог написать сам без особого труда. Кроме двух – работы Александры Васильевны Беловой, так как у него не хватило бы терпения проделать те огромные вычисления, которые сделала она, и работы Рэма Георгиевича Баранцева, так как ему не хватило бы тех математических знаний, которые потребовала эта работа. Я запомнила эти слова, потому что была рада за Александру Васильевну, замечательную женщину и доцента нашей кафедры, и горда за Рэма Георгиевича, заслужившего столь высокую оценку. Забегая вперед, скажу, что в период осложнения взаимоотношений между Валландером и Баранцевым я очень тяжело переживала этот разлад и часто вспоминала прежние времена, когда Сергей Васильевич считал Рэма своим лучшим учеником.

Но вернемся в 1958 год. Рэм Георгиевич послал меня домой к Сергею Васильевичу отнести уже готовую дипломную работу на отзыв как рецензенту. С. В. Валландер, как заведующий кафедрой, считал нужным самому ознакомиться с работами тех выпускников, которые были рекомендованы в аспирантуру. Уровень работы его устроил, однако он мне сказал, что могут возникнуть формальные причины при назначении Р. Г. Баранцева моим руководителем, так как он сам стал кандидатом физико-математических наук совсем недавно. Если решение ученого совета будет отрицательным, то формально руководителем будет Сергей Васильевич, а фактически – Рэм Георгиевич. Мне оставалось только поблагодарить и того, и другого. По счастью, всё обошлось без осложнений, и я стала первой (!) аспиранткой Р. Г. Баранцева (потом их были десятки, но я была первая). И горжусь этим по сей день.

На первом курсе аспирантуры надо было сдать экзамены кандидатского минимума, и с этим проблем не возникло. А вот с темой моей будущей кандидатской диссертации всё обстояло гораздо сложнее. Правда, мне тогда и в голову не приходило, что Рэм Георгиевич либо переоценил мои возможности, либо недооценил трудности выбранной задачи. Я уже говорила, что уровень его кандидатской был близок к докторскому, и там он рассматривал краевую задачу для уравнения типа Трикоми. Мне же он предложил решить аналогичную задачу, но для более сложного уравнения типа Чаплыгина, для которого, несмотря на многолетние поиски, не удалось найти решение в аналитическом виде. Пришлось смириться и искать решение в виде разложения в ряд, коэффициенты которого пришлось вычислять, решая бесконечную систему линейных уравнений. На это ушло более 10 лет, учитывая, что я при этом работала, родила второго ребенка, уезжала с мужем и детьми на 1,5 года на Кубу, куда его послали повышать уровень математической квалификации тамошних преподавателей и т. д. и т. п. За все эти годы мне ни разу не пришла в голову мысль, что дай мне мой шеф более легкую задачу, я бы уже давно защитилась. Но очевидно, что такая мысль приходила в голову самому Рэму Георгиевичу. Потому что на защите моей диссертации [3], выступая как научный руководитель, он неожиданно для меня сказал, что он, будучи неопытным научным руководителем, предложил своей первой аспирантке задачу непомерной трудности. Дальше шли какие-то хвалебные слова в мой адрес, но меня поразил тот факт, что он считал себя виновником затянувшейся моей борьбы с предложенной им проблемой. Интересно, что и сорок лет спустя, на праздновании его 80-летия, в ответ на мой поздравительный тост он стал рассказывать собравшимся о моей диссертации и о злополучных бесконечных системах. Скорее всего, мой случай стал для него запомнившимся уроком, и все другие его ученики получали разумные темы и защищались в приемлемые сроки.

В 1961 году аспирантура заканчивалась, и надо было думать о месте работы. Рэм Георгиевич поговорил с Сергеем Васильевичем о возможности оставить меня на кафедре, но вакантных мест не было, и Сергей Васильевич предложил мне потерпеть полгода – а через полгода ему обещали несколько новых ставок под новую тематику кафедры, связанную с разреженными газами. Но жить полгода втроем на мизерную зарплату моего мужа (он еще не успел защититься) – этого мы не могли себе позволить, и я с сожалением должна была от этого варианта отказаться. Второй раз Рэм попытался взять меня на кафедру в 1968 году, сразу после нашего возвращения с Кубы, но времена изменились, и ему откровенно сказали, что с моими анкетными данными о работе в университете речи быть не может. Больше он таких попыток не предпринимал.

Должна сказать, что наши взаимоотношения нельзя было назвать стандартными отношениями учителя и ученицы, но и чисто дружескими (как его отношения с моим мужем В. Л. Фоминым) они тоже не были. Возможно, субординацию мы оба инстинктивно соблюдали, но разница в возрасте была несущественной, всего каких-то 4 года, многие интересы совпадали, о многом далёком от науки можно было поговорить. Например, он рассказывал мне о своих жилищных проблемах (меня это тоже волновало), о непростых взаимоотношениях с родителями жены, о трагическом уходе из жизни отца, покончившего с собой вскоре после возвращения с фронта. Я очень высоко ценила его внимательное и даже заботливое отношение ко многим, даже не очень близким людям.

Я уже приводила в пример его отношение ко мне в период моего «нерабочего состояния». Своего младшего брата Володю, поступившего на физфак, он опекал всё время, пока тот учился и жил в Ленинграде, вплоть до его переезда в Москву. Ярчайший пример – его отношение к Борису Филиппову (выпуск 1957 года), которого он называл своим учеником (не уверена, но думаю, что Филиппов писал у него диплом). В 1960 году Борис с семьей вернулся из Якутска, куда его послали по распределению, жить ему было негде, и Рэм поселил их в своих невзрачных коммунальных «аппартаментах» на Дровяном переулке, а также помог с устройством на работу на нашу кафедру. Не думаю, что он ждал благодарности за это, и вряд ли дождался (прошу прощения за резкость). Кстати, о жилье. В квартире на Дровяном я не бывала, зато в построенном кооперативном доме на Тихорецком проспекте, где – о, счастье! – семья получила трехкомнатную квартиру, мы с Володей получили приглашение на новоселье и порадовались за всё семейство. Позднее, когда они переехали в более просторную и очень красивую квартиру на проспекте Кима, мы тоже там побывали, но счастье получения первой своей отдельной квартиры неповторимо, и я с пониманием вспоминаю, как был счастлив Рэм там, на Тихорецком.

Я всё время сбиваюсь с Рэма Георгиевича на просто Рэма. Это потому, что к нему я обращалась только по имени и отчеству, а за глаза, особенно в разговорах с мужем и друзьями, он был просто Рэмом. Сам же он всегда называл меня просто Иной, а по имени и отчеству очень редко и в официальной обстановке. Также по имени я называла его жену Юлю, которая мне очень нравилась. Нравилась и вся атмосфера в семье Баранцевых, и отношение к детям, и их поведение. Думаю, что Рэм брал за образец своих родителей и атмосферу в семье, где он рос, – строгость и справедливость. О своей семье и своем детстве он замечательно написал в книге «Крупницы памяти» [2]. Вспоминается один случай. Мы пришли в гости на Тихорецкий вскоре после приезда с Кубы. Неожиданно выяснилось, что в доме нет хлеба, и в булочную был послан Алёша (ему было тогда 9 лет). Не знаю, что его задержало, но он ходил за хлебом очень долго. Когда же все-таки пришел, его ожидал суровый взгляд отца и примерно такой выговор: «Четверо взрослых людей сидят и ждут одного мальчишка!» Бедный Алёша стоял молча, не пытаясь как-то объяснить свое опоздание. Строгость и справедливость в совокупности! Повторяю, мне очень нравилась эта семья, поэтому, когда в конце 1970-х до меня дошли слухи об уходе Рэма из семьи, я не поверила, утверждая, что этого не может быть, это досужие сплетни, это не тот человек! Поверить пришлось только тогда, когда Рэм Георгиевич сам позвонил мне и описал ситуацию.

Хочется отметить необыкновенную организованность Рэма Георгиевича – он никогда ничего не забывал, никогда никуда не опаздывал, все свои начинания доводил до конца. Об этом наверняка расскажут люди, которые сотрудничали с ним многие годы. Я расскажу лишь об одном эпизоде. Рэм Георгиевич посоветовал мне почитать некую книгу по специальности какого-то иностранного автора и дал мне ее со словами: «Месяца Вам хватит?» «Да!» – легкомысленно ответила я. Ровно через месяц раздался телефонный звонок: «Ина, месяц прошел!» Я готова была провалиться сквозь землю, так как начисто забыла о своем обещании. Разумеется, пришлось срочно везти книгу владельцу, так и не дочитав ее до конца.

Работоспособность у него была фантастическая. Непонятно было, когда он успевает столько прочитать, столько написать, с таким количеством людей работать! Только однажды он пожаловался, что его замучили головные боли – я и сама страдала от мигреней несколько лет и очень его понимала. Доктор, к которому он обратился, спросил его: «У Вас в доме много посуды?» «Достаточно», – был ответ. «Тогда бейте посуду!» – посоветовал доктор. Не думаю, что он воспользовался этим советом, а правильно было бы, наверно, умерить свою загруженность. Но на это он был не способен.

В тяжелые для него 1980-е годы мы почти не общались, но я знала о происходящем, восхищалась его стойкостью и мужественным сопротивлением университетским властям, целиком была согласна с позицией пяти профессоров (я всех их знала и всем доверяла), выступивших в его защиту. Одного только его поведения в этой ситуации было бы достаточно, чтобы проникнуться к этому незаурядному человеку огромным уважением. Он этого уважения, безусловно, заслуживал!

Последний раз мы виделись с Рэмом Георгиевичем 2 октября 2011 года на праздновании его 80-летия. Эта теплая встреча оставила приятные воспоминания – юбиляр в прекрасной форме, продолжает продуктивно работать, окружен заботой и вниманием. У него всё хорошо! Таким я его помню и по сей день. Светлая память!

Список литературы

1. Баранцев Р. Г. Лекции по трансзвуковой газовой динамике Л. : ЛГУ, 1965. 216 с.
2. Баранцев Р. Г. Крупницы памяти. М. – Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, Институт компьютерных исследований, 2007. 324 с.
3. Блюмкина И. А. Решение краевых задач для уравнения типа Чаплыгина методом Фурье : дис. ... канд. физ.-мат. наук : 01.00.00 / И. А. Блюмкина. Ленинград, 1972. 102 с. : ил.

Strokes for a portrait

I. A. Blumkina

PhD in Physical and Mathematical Sciences, associate professor, Saint Petersburg State University of Economics.
Russia, Saint Petersburg. E-mail: inessa.blyumkina@gmail.com

Abstract. Teacher lives in his students. The fate gave us, the students of Rem Georgievich Barantsev, the opportunity to study, live and work together with this wonderful person. Without any doubt, it was he who determined the direction of my development in science. Rem Barantsev was such an extraordinary and multifaceted man that it seems to me that not one of the people who knew him could describe all of the many aspects of his personality. Perhaps only the joint efforts of many people whose lives intersected with the life and activities of R.G. Barantsev will make it possible to create a more or less complete portrait of him. Here is a few of the strokes that I add to his portrait. In this short article, Rem Georgievich is remembered as a scientific mentor.

Keywords: memories, Professor Barantsev, scientific mentor.

References

1. *Barantsev R. G. Lekcii po transzvukovoj gazovoj dinamike* [Lectures on transonic gas dynamics]. L. LSU. 1965. 216 p.
2. *Barantsev R. G. Krupicy pamyati* [Bits of memory]. M. – Izhevsk. Regular and chaotic dynamics, Institute of computer research. 2007. 324 p.
3. *Blyumkina I. A. Reshenie kraevyh zadach dlya uravneniya tipa Chaplygina metodom Fur'e : dis. ... kand. fiz.-mat. nauk : 01.00.00* [Solution of boundary value problems for the Chaplygin type equation by the Fourier method : dis. ... PhD in Physical and Mathematical Sciences : 01.00.00] / I. A. Blumkina. L. 1972. 102 p. : Il.